

Детство

Родилась я 16 мая 1932 года восьмым ребёнком в семье. Всего у мамы было 9 детей. Четверо поумирали, кто в младенчестве, кто не дожив до 14 лет. Как все деревенские дети, росла в постоянном труде. Я и нянька (сестра Галя моложе меня на 3 года), я и по дому помогала: привезти с речки Узнарас 2-3 бочки воды, нарвать травы для телёнка, помыть полы, посуду, сбегать в лес за ягодами и грибами, да мало ли других дел в крестьянском хозяйстве. Была маленького росточка, худенькая, но физически очень закалённая.

В 1940 году пошла в 1-й класс Вершинской начальной школы в деревне Чёрный Ручей. Каждое утро по бездорожью, в дождь, в пургу, в морозы за 2 км добиралась до школы. Электричества и радио тогда ещё не было, уроки делала при лампе семилинейке.

Учебников на всех не хватало, успеешь в перемену что-то прочесть, так и отвечаешь. Позднее меньше схватывать главные мысли впопыхах очень пригодилось в дальнейшей учёбе (в вузе и аспирантуре).

Мой отец Андрей Афанасьевич, 1887 года рождения, воевал на Первой мировой войне, потом до 1937 года ходил в Сибирь пилить лес на тёс. С 1937 года до пенсии работал сторожем в ОРСе (отдел рабочего снабжения). Мама, Мария Яковлевна Попова, 1896 года рождения, окончила трёхмесячные курсы ликбеза. С 1937 по 1948 годы работала председателем колхоза им. Молотова. Так что у нас в избе с 6 утра стоял шум, крик, а то и мат. Это мама выслушивала отчёты бригадиров колхоза Гурьевой А.Н., Лентяковой А.Н., Струнина В.А. и давала распоряжения на день.

Правила мама колхозом жёстко, требовательно, но, говорили, справедливо: никого не сдала сталинскому режиму, в войну, как умела, спасала колхозников от голодной смерти, никому не дала умереть от голода. Её колхоз всегда был в передовиках, но какой ценой? Призыв «Всё для фронта — всё для Победы!» был главным стимулом в работе колхозников. Фронту помогали все от мала до велика: сушили для бойцов картошку, вязали из шерсти носки и рукавицы, подписывались на государственные займы. Помимо колхозных обязательств по сдаче зерна, мяса, шерсти государству,

колхоз обязан был ежегодно заготовлять не менее 3 000 куб.м леса. С ноября до посевной трудились в лесу подростки, одинокие женщины, старики. Жили они в бараках, спали на нарах, работали с 6 утра до 6 вечера.

Стахановцев колхоз награждал манофактурой, часами, патефонами, швейными машинками, велосипедами, валенками, сапогами и т.п. За 4 года войны мама получила три премии и медаль «За трудовую доблесть».

В 1942 году к 8 Марта маме дали радиоприёмник с батарейми-кирпичами.

Вечерами наша изба наполнялась людом. Все хотели послушать это чудо, а главное, узнать, как идут бои на фронте, скоро ли наши победят проклятого Гитлера. В колхозе уже появились вдовы. В нашей деревне первой похоронку получила Зверева Сегафима Алексеевна. Все с ужасом ждали, кто следующий. Из 17 мужиков, ушедших из деревни на войну, вернулись двое: один с искалеченной рукой, другой с простреленной ногой. Через полгода наше чудо-радио заглохло.

В 1943 году маму наградили патефоном с двумя пластинками: на первой — песня «Смуглянка» и романс «Калитка». На второй пластинке стихи: «Девушка и смерть» М. Горького и «Во весь голос» В. Маяковского, читал Качалов. Сбежалась вся деревня. Вскоре старый и малый пели «Смуглянку», многие знали наизусть и стихи, не понимая

многих слов, например, ассенизатор, диалектика, Гегель и другие.

Видимо, свои первые навыки вожака я и получила от мамы, от окружающих условий. Уже второклассницей я читала сказки детям и желающим в деревне. Только у нас горела лампа, остальные жители сидели с лучиной. Много читала книг вечерами, так как мама приходила домой поздно: то собрание, то правление колхоза, а то и вовсе в райцентре, а папа с 6 вечера до 6 утра работал сторожем, мы с сестрёнкой Галей всегда были одни. Вся ответственность за дом и хозяйство была на мне.

Приём в пионеры

В день Красной армии в 1944 году меня приняли в пионеры. Я понимала, что как бы недостойна быть пионером. Училась на тройки, слыла хулиганкой, но почему-то надеялась. В пионеры принимали в сельсовете. Галстуки нам сшили из красной бумажной скатерти со стола председателя колхоза Поповой М.Я. Она же произнесла торжественную речь и каждому на наши руки положила по галстуку. Мы целовали галстук, как знамя, и повязывали на шее. Потом Попова сказала громко: «К борьбе за дело Ленина-Сталина будьте готовы!» «Всегда готовы!» — ответили мы дружно. Нас было человек 16-18. Я как бы сразу повзрослела, старалась быть прилежной, серьёзной. Дома мне мама

прочитала свою мораль, что я теперь пионерка, что должна быть для всех примером и в учёбе, и в труде, не позорить нашу фамилию, чтоб маме было не стыдно за меня.

Школьная пионерская дружина была большой, человек 100. Старшей пионервожатой была учительница немецкого языка Чертополохова Валентина Петровна. И начались сборы, линейки, выборы звеньевых, обязательства по сбору золы для колхозных полей, по тимуровской работе, по учёбе.

Меня избрали звеньевой. Я отвечала за пионеров деревни Борисихи (12 человек). В 6-м классе меня избрали председателем совета отряда, состояла и в совете дружины. Сколько же полезных дел в войну и после было выполнено полуголодными, нищенски одетыми пионерами нашей школы: зимой — вывозка на поля навоза, сбор золы, весной — боронование, уборка пожень (лугов) после разлива, летом — прополка полей, подгребание сена, сбор колосков, помощь на молотьебе, осенью — уборка льна, картофеля, овощей. Все дети умели работать с лошадьми. Домашняя работа тоже держалась на детских плечах, так как матери работали в страду по 10—12 часов. Таким образом, характер вожака ковался у меня в труде с детства. Честь, достоинство, гордость, воля были присущи мне, я бы сказала, от мамы, это уже потом я осознанно дорожила этими качествами.

Учёба в педучилище

В 1947 году, после окончания семилетней школы, я поступила в Сольвычегодское педучилище. Справку о праве выезда за пределы колхоза дала мама. Но были у меня проблемы с поступлением, т. к. математику я сдала на двойку. Шли послевоенные годы, в приёмной комиссии, видимо, знали, в каких условиях учились крестьянские дети и как трудно получить справку от колхоза, а может быть, не хватало абитуриентов. Меня приняли условно. Я понимала, что надо оправдать доверие, старалась.

Однажды я впервые получила пятёрку и то благодаря Вале Пьянковой. Жили с ней в одной комнате, вижу, как она прижимает к груди анатомию и что-то шепчет. Я решила, что она читает про себя молитву. Спросила, что она там бормочет. «Это я проверю, все ли косточки запомнила», — ответила она. Я сделала то же самое. Назавтра получила первую пятёрку в жизни. В школе у меня даже по поведению была четвёрка. Нас как-то не учили, как готовить уроки, да не до этого было, и учебников на всех не хватало. Как я обрадовалась пятёрке, поняла, что я тоже могу хорошо учиться. Появилась какая-то жажда знаний. До сих пор нет предела моей любознательности. Окончила педучилище с одной тройкой. С первого курса учёбы я была активисткой. Занималась гимнастикой, участвовала

в спортивных соревнованиях по лыжам, получила второй разряд по шашкам, выступала на комсомольских собраниях.

Жили мы в общежитии на Песках, 13 человек в комнате. 1947 год, время голодное, хлеб давали по карточкам 500 г в день, стипендия 14 руб. Всё время хотелось есть. Одевались убого, некрасиво. У меня был жакет из чёртовой кожи (чёрный сатин), два ситцевых платьишка, коричневая шаль с белой каймой, шёлковая шалوشка (платок), одна пара чулок, сапоги из самодельной кожи и сандалии. Мама продала поросёнка Ваську и купила мне все эти наряды.

Жизнь в коллективе научила меня не конфликтовать, не ссориться, не выпендриваться, не завидовать, избавляться от грубых шуточек, дружить без предательства. Я была натурой необузданной, манерам не обученной. Говорила правду наотмашь, как в деревне, не щадя человека. Долго я была правдоискателем, пока не осталась в одиночестве.

А уж шуточки у меня были грубые, обидные, без царя в голове. Жила в нашей комнате Маша Кузнецова, тихая, воспитанная, хорошо одетая, одна у папы с мамой. В еде она могла многое себе позволить. Однажды она купила молока, налила его в железную миску, чтоб после занятий поест. Мы с девчонками пришли с занятий раньше Маши. Увидав миску с молоком, я предложила: «Давайте подшутим над Машей,

говорят, если положить лягушку в молоко, оно не скиснет». Сбежала на улицу, поймала лягушонка и опустила в молоко. Ждём. Приходит Маша, села обедать, мы в ожидании, что будет. Лягушонок всплыл, Маша от испуга подняла визг, миску скидывает на пол, а мы хохочем. Маша сразу догадалась, кто зачинщик проделки. Подбегает ко мне, хватается за волосы, я её тоже, и началась драка. Нас разняли, потом до меня дошло, что я поступила нечестно. Но тогда слова «прости, извини» как-то у меня были не в ходу. Говорю: «Я виновата, Маша, хотела пошутить, больше не буду».

В школе у нас тоже шутили. Четвероклассник Пашка проказник был, никакой управы не признавал. Однажды довёл своим кривлянием Римму Николаевну до того, что она не вытерпела и выгнала его с урока. Тогда он забрался в раздевалку и отрезал все пуговицы от наших пальтишек и выбросил их в уборную. На улице мороз за 20 градусов. Мы все в рёв, как дойти до дома, что скажет мама, где теперь возьмёшь пуговицы, идёт война. И что? Пашку поругали, а мне папа выстругал из черёмухи палочки, прожёл в них дырочки и получились застёжки.

Цену дружбы, сочувствия, взаимопомощи я поняла и оценила, когда потеряла хлебную карточку. Голодала, пока мама не прислала посылку с мукой, с сухарями, с варёными яйцами, с комком масла. Целую неделю

девочки из нашей комнаты отрезали по кусочку от своей пайки и клали на мою койку в моё отсутствие. 12 кусочков — это целая «гора» хлеба. Как я была благодарна им, как мне было стыдно, что я была груба с некоторыми из них! Это был хороший урок человечности. Я помню о нём всю свою жизнь, хотя характер правдолюбца в руководящей работе заставлял меня быть жёсткой, забывая, что человек имеет право и на свою личную жизнь.

В декабре 1947 года меня приняли в ряды ВЛКСМ. Гордости не было предела. Душа рвалась к каким-то подвигам. Моими кумирами были Рахметов, Овод, Островский, Маресьев. А пока у меня одна цель: учиться без троек. Знаний нет, начитанность почти нулевая, эстетически не образована. Эту науку я так и не освоила в педучилище, вернее, как такового эстетического образования нам не давали. Мы изучали основы рисования, методику его преподавания в начальных классах, ходили в музеи, но я никогда ни от кого не слышала об иконописи, об эстетической ценности икон. Мы были атеистами. Позднее, будучи учительницей физкультуры, я позволяла ученикам кататься с горы на иконах.

Город Сольвычегодск — провинциальный городок, но в нём 11 Строгановских соборов, много музеев, один музей Сталина славил город на всю страну. Всё это я увидела своими глазами, но перевернуть ценность этого богатства к тому времени я не

умела: ну Строгановы, кто они такие? Буржуи, наживались на рабском труде, да ещё и рабским трудом строили никому не нужные соборы, а талантливых мастеров бросали в каменные мешки. А вот Сталин — это наш вождь, он боролся за бедняков и рабочих, за справедливость, а его за это в ссылку. Я три раза побывала в музее Сталина, жалела его, не смогла того понять тогда, что жил он в этой ссылке в сто раз лучше и сытнее, чем мы, студенты педагогического училища. А когда умер Сталин, я плакала навзрыд, думала, что теперь конец нашему счастью. Господи, какие же мы были беспомощные слепцы, когда же мы созреем до истины?

Я благодарна моему дорогому Сольвычегодскому педагогическому училищу, его директору Моданову М.П., который поверил нам, двоечникам, и принял нас на учёбу, пусть условно, через полгода мы все оправдали его доверие. Именно педучилище дало мне путёвку в жизнь, именно здесь я познала, насколько широк мир, оказалось, что Локк, Песталоцци, Ушинский уже тогда на века открыли истины, как «очеловечить человека». Я старалась познать как можно больше, уж очень хотелось быть настоящей учительницей.

Я учительница

1951 год, на руках диплом учительницы начальных классов и направление в В-Тоемское

роно. Заведующий Панов И.И. направляет меня в мою родную Вершинскую семилетнюю школу учителем русского языка и литературы и физкультуры в пятых и шестых классах. Я отказываюсь, боюсь, что не справлюсь, что не знаю программы старших классов. Он убеждает меня, что учителей в школах не хватает, а у меня отличные оценки по русскому и литературе, что не боги горшки обжигают. Характер у вас бойцовский, с учениками справитесь, да и директор школы опытный, талантливый педагог, чаще обращайтесь к ней за советом, поможет. Уговорил.

15 августа пришла в родную школу, предъявила директору Дроздовой М.О. направление. «Ну что, явилась, — с улыбкой говорит она, — вот уж не думала, что из тебя, непоседы взбалмошной, учительница получится».

Мария Осиповна была добрым, внимательным, чутким наставником мне и моим детям. Позднее она дала и рекомендацию мне для вступления в партию (1954 год). Называли мы, выпускники, её «Мать Вершинская», но ушла она в мир иной так и не оценённой добрым словом некоторыми выпускниками и их родителями. Знали же вершинцы, что школу, построенную усилиями Дроздовой, продают на дрова, но равнодушные взяли верх. Когда стали разрушать здание, то в фундаменте нашли бутылку с посланием от Дроздовой: когда построена

школа, кем и какими усилиями. Да уж поистине правильно сказано: что имеем, не храним, потерявши плачем.

Итак, мне 19 лет, на руках диплом учительницы, начитана, знаю наизусть все стихи программного материала по литературе, готова горы свернуть в работе. Этого требовала и от учеников. А деревни ещё не очухались от войны. Дети нищенски одеты, полуголодные, иным до школы идти 10 км. Интернатов не было, школьников в школах тогда не кормили, им не до стихов, одно желание: что-нибудь съесть. Да и учебники — один на троих, тетрадка на вес золота. Старалась хотя бы во время урока научить грамотному русскому языку. Позднее мой ученик Юра Зверев, будучи уже пенсионером, признавался, что он, имеющий десятки патентов на изобретения, так и не научился оформлять документы без ошибок. Да, русский Юре никак не давался, что ни диктант, то двойка, а стихи прекрасно помнил и читал.

Физкультуру я вела в 5-х и 6-х классах. А в школе ни спортзала, ни спортивного инвентаря. Как и где вести занятия? Но голь на выдумки хитра. Вспомнила, как проводил занятия с нами физрук Фефилятьев Н.М. Учились мы в белой каменной церкви, а рядом стояла деревянная Георгиевская XVII века летняя церковь, в ней-то мы и занимались физкультурой в холодные дни. К сожалению, история наших

церквей печальна. В 1930 году кучка ярких коммунистов сорвала с них кресты. Иконы, которые не успели спрятать верующие, с иконостаса были сорваны и снесены в церковный подвал. Из подвала иконы стали растаскивать: некоторые иконы пошли на столешницы, из других делали заборки и оклеивали газетами. А в 1951 году мои ученики отыскивали ещё две доски, лика на них не было видно от копоти, вот они и приспособили их для катания с горы.

Сейчас эта церковь находится в Малых Корелах города Архангельска. В 1971 году на вертолётах её перевезли, и наша шатровая церковь заняла достойное место в музее деревянного зодчества. В каменной церкви сначала была семилетняя школа, затем клуб, а потом и пекарня. Запах хлеба настолько был силён, что зимой в церковь забрался медведь-шатун. На крыше церкви росли берёзы. В 2012 году бывший ученик Вершинской восьмилетней школы Татарский Александр Александрович на свои средства, силами некоторых верующих и мастеров из Тоймы, вставили окна, вывезли мусор, починили крышу, установили крест.

Как-то в конце ноября стояла холодная ветряная погода, а у меня в 6 «Б» физкультура. Решили заниматься в церкви. Сделали разминку, и Геня Муравицкий (ещё тот выдумщик на проделки) говорит: «А вот слабо вам, Алина Андреевна, доползти до купола. Мы с ребятами уже не раз там

побывали». Мне бы только образумиться и подумать: а надо ли это делать учительнице и как я буду выглядеть в глазах детей? Но моё самолюбие уже было задето, шлея попала под хвост, как говаривала часто мама. Я несколько не сомневалась, что запросто могу долезть сначала по стене, держась за обивку, до стропил, затем на животе по бревну проползти 6 м до узла, перешагнуть на второе бревно, опять долезть до узла, а там и последнее бревно и вот он, купол. Решила, что со мной полезут ребята, которые уже добирались до купола. Они уже знают, как это делать. Шесть мальчишек с радостью побежали наперегонки. Геня, как всегда, первый. Я за ними. Ползём, кто на каком бревне. Я уже добралась до стропил. Слышу голос директора: «Ай да ребятки, ай да молодцы! Я к вам по делу пришла. Слезайте, не торопясь, только крепче держитесь, не упадите». Слезли. Все в страхе. Директора боялись даже отъявленные хулиганы. Я тоже боялась, будучи ученицей, а сейчас, став учительницей, стала бояться уже каким-то другим страхом.

Мария Осиповна берёт меня за локоть и говорит детям: «Вы смелые ребята, ловкие, сильные, надеюсь, что из вас вырастут настоящие солдаты. А теперь побудьте здесь, мне надо посеCRETничать с Алиной Андреевной». Вывела меня из церкви, развернулась и влепила мне пощёчину. Сама вся в ярости, сдавленным

голосом тихо зашипела: «Гадина, ты хоть думаешь, что творишь! А если б кто-то разбился? Это же верная тюрьма нам обеим. Когда же ты научишься управлять собой, отвечать за свои поступки? Тебе же детей доверили, а я подумую, доверять ли тебе их дальше. А пока иди к ребятам».

Я сгорала со стыда за своё ребячество. Но Мария Осиповна поверила в меня. Никогда, ни одним словом не обмолвилась нигде о моём ребячестве. Зато до самой своей смерти она 44 года была моим наставником, верным другом: писала мне письма, во время моей учёбы помогала денежкой, встречала и провожала меня, когда я приезжала в отпуск на родину.

Комсомольский вожак

Встала на комсомольский учёт в Вершинскую территориальную организацию. Через месяц меня избрали секретарём. Вся комсомольская, культурная, агитаторская работа проходила в избе-читальне при керосиновой лампе. Заведующей избой-читальней была Гусельникова Галя. Все праздничные, предвыборные концерты мы готовили своими силами, как умели. Сейчас даже не верится, но мы тогда рискнули поставить «Женитьбу» Гоголя. Руководила постановкой Чертополохова В.П., учительница немецкого языка. Костюмы шили сами из каких-то кусков старой материи, глядя на открытки.

Получилось примитивно, костюмы смешны, речь «артистов» невнятна. А люди с удовольствием ходили на наши постановки, дома обсуждали нашу игру, пересказывали на работе, кто как из нас играл.

Новые песни разучивали по радио. В те годы по радио часто читали стихи, передавали художественные постановки, ту же «Женитьбу» или «Фронт», драмы Островского, а новые песни разучивали со слушателями так: сначала прозвучит песня, затем диктор продиктует текст песни, затем песню споют по куплетам, а потом и всю песню. К сожалению, радио было только в избе-читальне, там мы собирались, записывали песню и пели, пока не выучим. Вечерами мы учились танцевать вальс, танго, краковяк под патефон и получалось не хуже, чем у городских. Грустно, что сейчас наши дети и внуки на свадьбах своих вальсируют неумело, коряво.

Раз в неделю комсомольцы-агитаторы шли в колхозные бригады и читали колхозникам газеты, выпускали стенгазеты, оформляли листок соревнования доярок, телятниц и др. Мы были зачинщиками всех воскресников в помощь колхозам, в летние отпуска многие из нас работали наравне с колхозниками на сенокосе, на уборке урожая. Работа работой, комсомол комсомолом, а душа любви просит, но кого любить? В нашей комсомольской

организации был один мужчина, да и тот женат, зато гармонист.

В зимнее время по вечерам мы смотрели кино, если приезжала кинопередвижка, готовились к концерту, читали журналы «Крестьянка», «Крокодил», «Огонёк», газеты «Правда», «Правда Севера», «Новый север». Часто играли в настольную игру «Цветы». Суть её такова: на стол выкладывали почтовые карточки, на обороте которых столбиком написаны названия цветов, например, ромашка, роза, лютик, тюльпан, георгин, орхидея, сирень, василёк, одуванчик, репейник, гвоздика и др. 20 карточек, на каждой 10 цветков, напротив каждого цветка вопрос или ответ на вопрос. Все сидим за столом, парень, чаще подросток, подаёт мне открытку и произносит: «резеда». Читаю: я хочу тебя поцеловать. Отвечаю: мак, а там написано: к сожалению, я не готова к этому. Эта игра помогала тем, кто не умел или стеснялся выразить свои чувства. Появилась игра в Вершине примерно через 2 года после войны. Мы даже не слышали, не то что видали, названия некоторых цветков. Хотелось увидеть, как они выглядят. Теперь бы сказали, что это просто психологическая игра.

В Вершину стали приезжать отпускники, студенты на каникулы. Вот тут я и попала под стрелу амура, полюбила морячка из соседней деревни. Помогла игра в «Цветы». Дружба-любовь

была трогательно красивой, ду-мали — навсегда. Год переписывались. Потом молчание, догадки и конец моей любви. Женился мой парень. А я закаменела на целых 6 лет. Не терпела никаких ухаживаний, даже намёков на какие-то чувства со стороны мужчин. Только работа и ничего больше. Свято выполняла девиз: прежде думай о Родине, а потом о себе.

Летом 1952 года поступила на заочное отделение географического факультета Архангельского пединститута.

Секретарь райкома

1953 год. Меня избирают 2-м секретарём РК ВЛКСМ. Мне 21 год. Такая ответственность, справлюсь ли с работой, хватит ли знаний, сил, мужества? В своём самоедстве дошла до смешного: решила, как Рахметов, испытать себя. В гладильную доску набила гвоздей. Ложусь. Очень больно. А что, если лечь вначале в халате? Терпимо. Лежу. И тут прозрела: что я этим хочу доказать? Не лучше ли почитать книгу?

С комсомольским активом райцентра решили начать оживление комсомольской работы с малых конкретных дел. Путём воскресников задумали озеленить райцентр. Ранней весной посадили вдоль улицы Ломоносова молодые берёзки. Довольны. Будет красиво. Ждём первые листочки. Вскоре все наши деревца были

обглоданы козами. Это какое-то бедствие В-Тоемские козы! Но мы пока не сдались и на второй год снова сделали посадку берёзок уже на нескольких улицах. Но козы оказались сильнее нас. Никто их не пас, и они свободно разгуливали по райцентру.

Зачинщиком всех новшеств выступала комсомолия райцентра во главе с Ниной Городничкиной. Время голодное, в магазинах пусто. Одевались в то, что могли купить. Я, например, сшила себе платье из бордового сукна, теперь бы сказали по благу. Райкому было выписано со склада 3 м тонкого бордового сукна на стол первому секретарю райкома. Я упростила кладовщика продать и мне полтора метра. Два года одевала это платье на торжественные праздники, пленумы райкома комсомола, ездила в этом платье и в ОК ВЛКСМ.

Зато, в очередь, можно было купить ситец. Тогда мы и придумали проводить в клубах ситцевые балы. В Доме культуры в Тойме вывешивали афишу, что такого-то числа в клубе ситцевый бал, вход только в ситцевом платье. И стали мои комсомолки выдумывать фасоны, учились шить или заказывали в швейной мастерской. Моё платье шила Таисия Николаевна в мастерской деревни Томаша. Какие мы были нарядные, красивые в новых платьях! Самые лучшие фасоны награждали отрезами ситца.

Молодёжь охотно ходила в клубы и избы-читальни на диспуты,

вечера вопросов и ответов, на лекции, тем более, что мы пытались обсуждать проблемы, которые интересовали её, например: «В чём смысл жизни?», «Если не я, то кто?», «Береги честь смолоду», «Любовь, брак и семья», «О дружбе и товариществе».

У меня была своя тематика лекций и докладов. Лучше всего мне удавались лекции и беседы на тему любви и дружбы, а также о культуре поведения. Два мира — два детства, молодёжь мира и её проблемы. Позднее стала замечать, что я как бы прозреваю, умнею, мудрею, что ли, с каждой прочтённой лекцией. Например, говоря о любви, я вывела триединый закон любви: «надо хотеть любить, уметь любить и сметь любить».

Обком комсомола часто присылал «болванки» лекций. Я решила прочитать для молодёжи лекцию на тему «Есть ли Бог?» Правда, в то время я и в глаза не видела Библии, не говорила о Боге с верующими людьми, да и о «Братьях Карамазовых» Ф. Достоевского не слыхивала. Зато есть «болванка» лекции, понятный план, который я упростила под своё понимание темы: 1. Что такое религия? 2. Религии не было раньше и не будет. 3. Религия — рабская идеология. 4. Религия — опиум для народа. Задача комсомольцев: постоянно, кропотливо разъяснять людям, что Бог выдуман, Бога нет! Вот так легко, просто, бесцеремонно, не

ведая, что творю, я проповедовала атеизм. Теперь-то я понимаю, что я занималась богохульством. Прости меня, Господи! Просто не было среди слушателей моей беседы грамотного, начитанного человека, который одним вопросом, например, есть ли наука о религии? доказал бы мою неграмотность в вопросах богословия.

Да, мы были ярые атеисты. Как-то в колхозе «Сталинский призыв» Вася Ягушкин за бутылку водки по просьбе старушек, на расстанях поставил обетный крест. Так мы срочно собрали комсомольское собрание с повесткой дня: персональное дело комсомольца Ягушкина. После резкой критики вынесли решение: за безыдейное поведение Ягушкину дать строгий выговор и в течение суток убраться крест с дороги.

«Дунька» едет на курорт

Мне положен отпуск. ОК ВЛКСМ даёт путёвку к Чёрному морю, в Сочи. Ну а далее по сценарию: «Дунька» едет на курорт. Кроме г. Котласа и г. Архангельска, я ещё нигде не бывала. Доехала поездом Воркута — Москва до Москвы, в метро, конечно, с подсказками добрых людей, добралась до Курского вокзала, жду поезд. Ждать долго. Сижу, есть хочется. Вижу из вокзального ресторана выходят люди. Решила, чем я хуже? Правда, в ресторанах я ещё не бывала, ну, думаю, была-не была. Зашла, нашла свободный столик. Народу

в ресторане мало. Ко мне вскоре подошёл мужчина в чёрном костюме, с бабочкой. Сам обходительный, подаёт мне папку, на ней золотом написано: «меню». Читаю, чего только не написано: одних супов названий десять и всё не знакомые. Например, суп с фрикадельками или суп харчо. Я даже не слыхивала о таких супах. Вскоре увидела знакомое слово: щи. Обрадовалась, решила, что их и закажу. Читаю дальше: гуляш, бефстроганов, цыплята в табаке, удивилась, как же их люди едят. Это потом уже поняла, что я неправильно прочитала название. Наконец нашла знакомую, родимую треску. Тоже решила заказать. Ну и как всегда — чай. Стол накрыт белой скатертью. Салфетки стоят шалашиками. Официант приносит щи зачем-то в двух тарелках. Глубокую поставил на мелкую. Рядом положил ложку, два ножа — один в виде пилки, две вилки: одна нормальная, а вторая двухрожковая. Начинаю хлебать щи. За спиной появился официант и шепчет: «Можно я дам вам совет?» И начинает, что хлеб надо жевать с закрытым ртом, а суп есть так, чтоб зал не слышал. Я молча проглотила его замечание. Потом суп отставила в сторону. Он приносит жареную треску. Вот тут я и решила показать, что мы тоже не лыком шиты. Решила, что раз принёс двухрожковую вилку, значит, она для рыбы, и нож с пилкой тоже, наверное, для рыбы. Воткнула вилку в кусок трески и

стала её пилить ножом. Не успела проглотить кусок рыбки, как он опять бежит ко мне, опять шепчет, что рыба без костей, резать её не надо. Ну тут я разошлась: по-деревенски говорю ему: «Вы дадите мне нормально поесть?» Кидаю на стол пятерку и хожу из ресторана. Он мне вслед: «Девушка, вы не сердитесь. Научитесь этикету за столом!»

В санатории «Светлана» я стала хитрить. Приходила в столовую с опозданием, чтоб понаблюдать, как едят отдыхающие. И что я увидела: некоторые так же жуют, так же хлебают суп. Успокоилась. Но решила почитать о правилах поведения за столом. Соседка по комнате из Пензы работает проформом в совхозе. Тоже не знает, что такое этика. Это я, пока ехала в поезде, слово этикет забыла, почему-то оно превратилось в моей голове в этику. В Большой советской энциклопедии прочла и про этику, и про этикет. Библиотекарь дала почитать «Юности честное зерцало», книжечки по этикету. Побывала с друзьями в сочинских ресторанах. Стала как-то разбираться в правилах поведения в обществе. Но светского лоска я так и не приобрела: моей вольной душе некоторые формы этикета казались вычурными, не пригодными в наших лесных условиях. Позднее, в работе с молодёжью, я часто проводила беседы о культуре поведения за столом, в кино, на танцах, в музее, в театре и т.п.

Депутат райсовета

Прошёл год. Я побывала в десятках комсомольских организаций. Познакомилась с директорами леспромхозов, начальниками лесопунктов, председателями колхозов, с парторгами. Одни воспринимали меня, как пигалицу, другие отмахивались, как от очередного «толкача», а некоторые просто жалели, как девочку, взявшую ношу не по плечу. Я тоже неоднозначно относилась к ним. Одних уважала, как, например, директора В-Тоемского леспромхоза Жигалова А.А. Он никогда не отказывал в помощи, если я просила за какого-либо комсомольца, или просила материально помочь в организации концерта, вечера отдыха молодёжи или в приобретении спортивного инвентаря в какой-либо комсомольской организации лесопункта. Он всегда здоровался за руку, усаживал за стол и разговаривал на равных.

Но не любила чванливых начальников лесобаз и лесопунктов и председателей колхозов. Разговаривали такие чинуши высокомерно, делали вид, что им некогда, что ты не человек, а приехавшая обуза. Как правило, им были безразличны дела комсомольцев. Я уже тогда понимала, что значит «глаголом жечь сердца людей». Но где найти такой глагол, чтоб за тобой пошла молодёжь? Я понимала, что не должность красит человека. Авторитет завоёвывается делами. А мне так

не хватало опыта, знаний, умения убеждать, вести диалог, не конфликтовать. Не учили меня этому искусству. Да и вид мой был не солидный. Приходилось прятать своё самолюбие и делами доказывать, что комсомол многое может.

Прежде, чем проводить комсомольское собрание, ходила с секретарём организации в общежития рабочих, на квартиры семейных комсомольцев, на собраниях обсуждали уже конкретные проблемы, приглашали на собрания парторгов, критиковали их за равнодушие к комсомолу. Не помогала критика на собраниях, писали в районную газету «Новый север». Например, уж очень равнодушен был к делам комсомольцев секретарь парторганизации Шошельского лесопункта, не реагировал на нашу критику. Тогда мы пишем статью «Не забывать о руководстве комсомолом». Пришлось т. Шабанову отреагировать на критику и дать хотя бы формальный ответ через газету: «Статья обсуждена на бюро парторганизации. Факты, указанные в заметке, подтвердились. Приняты меры. Разработан и утверждён план чтения лекций и докладов. Чаше проводятся громкие читки газет и беседы. Улучшена наглядная агитация». И это всё?

Была я депутатом районного Совета. В своих выступлениях на сессии я поднимала проблемы быта молодёжи района, её досуга.

Требовала ускорить строительство клубов, новых общежитий, бань, радиофицировать и электрофицировать хотя бы крупные, передовые колхозы и лесопункты. Правда, каждый мой выход на трибуну вызывал взрыв смеха в зале. Меня это обижало, но приходилось терпеть ради дела. Смеялась вместе со всеми, но и критиковала, не глядя на лица и должности.

Дело в том, что при выборе меня депутатом райсовета я должна была, как кандидат в депутаты, встретиться с избирателями Кодовской лесобазы и заручиться их согласием. Находилась лесобазы в 160 км от райцентра и добиралась я туда в течение трёх суток: 100 км в кузове грузовика, а потом ещё на трёх подводах. Ночевала на постоянных дворах на соломе, на полу, вповалку с другими попутчиками. Последние 12 км до лесобазы подвёз меня начальник Русаков А.П. Я и спросила у него, есть ли баня и когда можно помыться? Он вначале замялся, а потом объяснил, что баня есть, что сейчас зима и топят её каждый день, но бывают случаи, когда женщины и мужчины моются сразу. Не ждут, когда помоются те или другие. Дни короткие, электричества нет, баня быстро выстуживается. Да в пару они и не видят друг друга. Но ты, Попова, иди, не беспокойся, я мужиков предупрежу.

Моюсь спокойно, в пару, действительно, ничего не видно при фонаре. Поднимаю лохань, чтоб

облиться и вижу на полке мужчину. Почему-то с визгом выбегаю в сенцы, а там у входа стоят мужики и ждут, когда вымоется Попова. Встала, как вкопанная, но быстро сообразила, что в бане всего один мужчина, а тут куча. Я обратно в баню, залезла между стенкой и каменкой и кричу, чтоб подали одежду. «Вот дура приехала, — говорит какая-то женщина, — мужика испугалась, чего его бояться. Это мой мужик, он без ноги с войны пришёл, одному неловко мыться, вот я и хожу с ним. Меня предупреждали, что какая-то Попова придёт мыться. Подумаешь, цаца! Я что, из-за тебя и мужика немытым оставлю? Ну, вот что теперь: вся выпачкалась, мужикам показалась...»

Вечером встреча с избирателями. В красном уголке битком народу. Уже все знают, как Попова мылась в бане. На сцене стол под красной накидкой. Сидим за ним: я, секретарь парткома и начальник лесобазы. Парторг держит речь: «Товарищи, к нам на встречу приехала товарищ Попова, второй секретарь райкома комсомола, она будет отстаивать наши интересы в районе. Какие будут вопросы, предложения, просьбы к товарищу Поповой?» И тут из зала закричали: «Мы за Попову, знаем её, видели, голенькую видели. Хорошенькая, не тощая, громко визжит, быстро бегаёт, будет из девки толк!» В зале долго стоял хохот. Потом парторг предложил проголосовать за

кандидата в депутаты райсовета Попову Алину Андреевну. «Единоголосно», — подытожил Русаков А.П. и пожал мне руку.

Даёшь целину!

1954 год. Комсомол взбудоражен целиной. Во всех средствах информации читаем: «молодёжь — на целину!» Из ОК ВЛКСМ приходит разнарядка: направить из числа молодёжи района 30 человек на целину. Нашлись и желающие, это в основном «летуны», ребята, приехавшие по оргнабору в наши леспромхозы. Они всего 3—6 месяцев назад получили подъёмные, поработали на лесозаготовке, не понравилось, а договор заключён на три года. Решили «энтузиасты» воспользоваться призывом и стали рваться на целину. Возник конфликт между РК ВЛКСМ и начальниками лесопунктов. Человек шесть удалось отстоять, выписали им комсомольские путёвки на целину. Побывали на целине и наши молодые колхозники. Всего из района было выписано 17 путёвок, хотя желающих было много. Мы тогда жили по принципу: «в жизни всегда есть место подвигу», вот некоторые из наших комсомольцев и искали это место и уезжали из района — лишь бы уехать из дома. Их я поняла много позднее, когда прошёл XX съезд КПСС, на котором осудили культ личности Сталина.

До этого колхозную резервацию, когда колхозник и его дети

без разрешения председателя колхоза не могли получить паспорт и выехать за пределы колхоза, мы как бы не замечали, считали её нормой. Более того, выпускников школ мы усиленно призывали не учиться дальше, а идти работать на колхозные фермы и на лесозаготовки. В пример ставили Горковскую среднюю школу, где выпускницы 7-го класса Валя Малухина, Нина Романова, Галя Харитоновна и Зитта Русанова пошли работать в колхоз «Родина», а им не было и 17 лет. Райком комсомола настойчиво убеждал выпускников 10-х классов идти в животноводство, не считаясь с их интересами и планами. У комсомола закон: если тебе комсомолец имя — имя крепи делами своими. Господи, теперь с высоты 86-ти лет, анализируя свой жизненный путь, думаю: сколько талантов я загубила, насилуя своим комсомольским фанатизмом, убеждая выпускниц остаться работать в своём колхозе. Не ведали, что творили. Простите меня, кого я по неопытности не поняла, обидела.

Кукуруза — царица полей!

1955 год. В стране надо было решить окончательно проблему с хлебом и кормом для скота. Хрущёв Н.С. хочет перенять опыт по выращиванию кукурузы у Америки. Приглашает в страну американского фермера г. Гарста, у которого самые высокие урожаи кукурузы. Хрущёв решил, что и

в нашей стране тоже можно получать её высокие урожаи. Газета «Правда» публикует статью: «Кукурузу — царицу полей — в массы!» Что тут началось! Весь комсомол был поставлен на дыбы. Проводят Пленум ЦК КПСС, по цепочке — пленум ЦК ВЛКСМ, далее Пленумы ОК ВЛКСМ, Пленумы РК ВЛКСМ, комсомольские собрания. Цель одна: вырастить столько кукурузы, чтоб догнать и перегнать Америку. Тут и пословица к месту: «заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибёт».

Проводим во всех колхозах комсомольские собрания. На них ребята обязуются вырастить и собрать не менее 140—160 ц с га. Под кукурузу должны отводиться лучшие земли. А земли пахотной в районе всего-то 12 000 га. Председатели дают под кукурузу только по 1-2 га, а то и несколько соток. Дело новое, председатели осторожничают, хотя из области пришло решение, что каждый колхоз обязан выделить под кукурузу не менее 20—25 гектаров лучшей земли. Я, как первый секретарь райкома комсомола, в районной газете выступаю со статьёй, где разъясняю условия соревнования между звеньями по выращиванию кукурузы в районе. Пишу, что победителей ждут награды. Занявшие первое место получают Почётную грамоту ОК ВЛКСМ и 3 тысячи рублей. Занявшие второе место получают Почётную грамоту ОК ВЛКСМ

и 1000 рублей. Получившие третье место будут награждены Почётной грамотой ОК ВЛКСМ и премией в 700 рублей. Итоги будут подведены на 1 октября. Заканчиваю статью пафосно: «Дело чести каждого комсомольско-молодёжного звена включиться в социалистическое соревнование молодых кукурузоводов и добиться первенства по области».

Как выглядит эта «царица», мы, северяне, видели только на плакатах, а уж как выглядят семена её и вовсе не ведали, но вырастить обещали. Наступил март. Из Краснодарского края в район привезли семена. По разнарядке развезли их по колхозам. Климат у нас холодный. Некоторые агрономы рекомендовали посадить семена сначала в торфоперегнойные горшочки, а высадить квадратно-гнездовым методом. И начали комсомольцы-колхозники в конюшнях, скотних дворах делать нары для горшочков, потом класть по 1-2 семечка в эти горшки, поливать. Другой способ: сеяли прямо в землю, без всяких ростков. Я участвовала в воскреснике по посадке кукурузы в одном из колхозов Горковского сельсовета. Перед этим с секретарём ходили по избам, просили школьников, старушек помочь нам в посадке кукурузы в землю. На крыльцо конторы выставили граммофон. Лошади уже запряжены в сани, на них везут горшочки в поле. Все работали весело, играючи, на 10 сотках быстро высадили все ростки.

Конец июня, наша кукуруза выросла почти в рост человека. Радуемся, ждём початки. Какие они, говорят, сладкие, на юге их варят в солёной воде и продают на базаре. Вот бы попробовать. Звонок от секретаря комсомольской организации из Горки: «Аля, у нас прошли заморозки, вся кукуруза почернела, что делать?» Пошли звонки и из других колхозов. А что делать? Мы бессильны перед природой. Зато мы помним слова Мичурина: «Не надо ждать милостей от природы, взять их у неё — наша задача». Только не отчаиваться, комсомолу многое по плечу.

Снова весна, снова воскресники, опять садим «царицу» полей, опять ждём початки. Комсомольцы наготовили еловых веток вокруг поля с кукурузой, чтоб зажечь костры во время заморозка. Прокараулили, иней пал неожиданно. Погибла наша «царица». На третий год комсомол был избавлен от посадки кукурузы на Севере. Кто-то из умных написал, что в Заполярье кукуруза не растёт. Но частушки про кукурузу ещё долго пела молодёжь на праздниках. Например: «Кукуруза, ты обуза для житья и для питья. На хрена ты нам такая, проживём и без тебя!»

В поход за культуру села

1956 год. Комсомольцы района объявили на очередном Пленуме райкома ВЛКСМ поход за культуру села: активно участвовали в проведении радио и

электричества в каждом колхозе и лесопункте. Этого требовала жизнь. В каждом сельсовете была изба-читальня или клуб, но ходить туда из бригад колхозов было далеко, темно и грязно. Решили мы провести радио в каждый дом. Не оставили мы без внимания и колхозные бригады. Силами комсомольцев в бригадах открыли красные уголки, выписали туда журнал «Крестьянка», районную газету, на стену повесили «Боевой листок», где поместили социалистические обязательства колхозников, условия соцсоревнования между бригадами, колхозами. Победителей соревнования колхоз награждал премиями, почётными грамотами. Фотографии передовиков вывешивали на Доску почёта. В посевную, в сенокосную страду агитбригады молодёжи домов культуры выезжали с концертами в колхозы, в бригады.

В эти годы молодёжь увлекалась поэзией. Стихи читали не только со сцены, но и на свадьбах, на днях рождениях, на привалах. Любимыми поэтами были К. Симонов, Н. Доризо, М. Дудин, Р. Гамзатов, Н. Некрасов, А. Асадов, В. Тушнова и др. У нас в районе рождалась своя поэсса — Оля Фокина. Она уже печаталась в областных газетах. Я помню, как однажды Оля пришла в райком с тонкой тетрадкой и показала мне свои стихи. Я тогда ещё не разумела всей ценности этой тетрабочки, но порадовалась за Олю, что она едет учиться в Литературный институт.

Много позднее, живя в Оренбурге, я очень тосковала по малой родине, вот тогда и оценила поэзию Ольги Фокиной. Боль за родную деревню, потерявшую жителей, боль за нескошенные луга, боль за утрату всех наших традиций, обычаев в каждом стихотворении Оли — это и моя боль.

Райком комсомола старался быть в курсе и семейной жизни комсомольцев. Пытались разрешать конфликтные ситуации в молодых семьях. Это не всегда удавалось. Вспоминается казусный случай в одной семье. Казалось бы, всё должно быть хорошо у них: она воспитатель, он фельдшер. Воспитывают маленького сына. Однако жена на имя секретаря РК ВЛКСМ приносит заявление, где просит привлечь к комсомольской ответственности мужа, так как он ей изменяет, ходит к другой комсомолке. Ну, я, как секретарь райкома, решила навести порядок в этой семье. Собираем бюро РК ВЛКСМ, вызываем на бюро виновника и со всей комсомольской страстью начинаем осуждать аморальное поведение комсомольца. Он как-то пытался нам сказать, что полюбил другую женщину (комсомолку), просил у жены развода, что сына не бросит. Тогда я ставлю вопрос ребром — выбирай: либо возвращаешься в семью, либо комсомольский билет на стол. Он молча кладёт билет на стол и уходит. Вот тут-то я и завертелась, поняла, что перегнула палку, что не разобралась в ситуации. И не

диво — мне всего 23 года, не замужем, что я смыслила в семейной жизни? Зато как рьяно (чужую беду руками разведу) взялась решать проблему. Впоследствии такие заявления на бюро никогда не ставила.

Были у меня и казусы при общении с приезжими рабочими. Как-то зимой я решила разобраться с работой комсомольской организации Зеленниковского лесопункта. Именно отсюда чаще всего уезжали рабочие, нарушая договор. Лесопункт расстраивался, заготовка леса шла уже на 20-м километре, рабочих в делянки возили на мотовозе. Бытовые условия для рабочих были самые примитивные: общежития на 6—10—13 человек в комнате, иначе сказать — бараки, уютный клуб, баня, магазинчик и туалет на улице. Даже радио было ещё не в каждом бараке, да и электричество давали с перебоями и не круглосуточно. В комсомольской организации числилось более 100 человек, на собрания приходило меньше половины.

Собираю комитет комсомола (11 человек), знакомлюсь с комсомольцами, выслушиваю их претензии к РК ВЛКСМ, к руководству лесопункта. Прошу высказать своё мнение: что мешает комитету для работы с молодёжью, чем могут помочь профком, начальник лесопункта, партком, РК ВЛКСМ. Избрали комсомольско-молодёжную комиссию по проверке культурно-бытовых условий для рабочих лесопункта.

Наметили: провести вечер отдыха молодёжи с играми, танцами.

Я готовлюсь к вечеру отдыха молодёжи. В афише объявлен мой доклад, игры и танцы. Самой любимой игрой того времени была «беспроигрышная лотерея». Для этого мы на свои деньги (100 рублей) закупили разную мелочь: книгу, тетрадку, блокнот, мыло, расчёску, ручку, карандаши, булавки и прочее, что было в магазине. Главный приз: либо шампанское, либо дорогой одеколон или духи, или что-то значимое для молодёжи, если это было в магазине. Свёртывали рулончики с надписью предмета, сумму делили на количество предметов и назначали стоимость билетика.

Рано утром я иду в магазинчик, чтоб посмотреть, что можно купить для лотереи. В дверях стоит молодой мужчина и вежливо приглашает в магазин: «Проходите. Не стесняйтесь». И что я вижу: у дверей толпятся женщины. Со слезами умоляют мужчину выпустить их из магазина. У кого-то оставлены дома малые дети, у кого-то топится печка. Я подошла к парню и спрашиваю: «В чём дело, молодой человек?» Он грубо отвечает: «Отойди, у меня идея. Хочу посмотреть, сколько человек можно набить в этот магазинчик. Вот фашисты в душегубку набивали до 300 человек». Моя реакция на такой цинизм и наглость была моментальной. Я схватила его за грудки и двинула вбок, а там в углу стояла поленница. Но и он в

меня вцепился. Оба барахтаемся среди поленьев. В это время все бабоньки, вместе с продавцом, выскочили из магазина. Парень озверел и стал пинать меня с яростью, с матом, приговаривая, что я всю идею ему испортила, что я не знаю, с кем связалась, что живой он меня из посёлка не выпустит. Я, видимо, потеряла сознание. Он наклонился надо мной. Очухалась, вижу, течёт кровь по его лицу. Сдуру и сказала, что у него кровь... Он ещё больше озверел. Пинал меня куда ни попадя. Я боялась, что если схватит полено, то мне не жить. Очнулась. Он схватил меня за плечи и трясёт. Я и говорю ему: «Какие у вас красивые глаза. Голубые, голубые». (Это я наставления И.И. Панова вспомнила, что мужчины любят комплименты больше, чем женщины). Да я вовсе не видела, какого цвета его глаза, просто сработал инстинкт самосохранения. Он как бы замер, потом протянул: «Ну, вставай». А я и встать не могу, кругом поленья, опереться не на что. Он берёт меня за пальто, а пальто зимнее, на вате, оно меня и спасло, и бросает на прилавок. В это время прибежали начальник лесопункта и продавец. Начальник кричит: «Гуцало, опять твои проделки! Ты хоть знаешь, кого избил? Тебе же опять тюрьма светит! На этот раз тебе с рук не сойдёт! И так весь посёлок от тебя стонет». Отвёл меня Смоляков в медпункт. Фельдшер смазала зелёной царапины, синяки,

заклеила ранки. Я в ужасе: вечером в клубе мой доклад, как же я покажусь людям? А выступать придётся, иначе какой я секретарь райкома.

Отдохнула в комнате для приезжих. Снова пошла в магазин, купила для игры призы, отнесла их в контору секретарю комсомольской организации, обговорили, как будем проводить вечер. Потом, оставшись одна, пятаком, бодягой долго натирала лицо, чтоб не было видно синяков. Вечером прихожу в клуб, народу полный зал. Весь посёлок уже знает, что бандюга вербованный избил секретаря райкома комсомола. Всем интересно: придёт или не придёт Попова. На сцене какая-то трибунка. Я читаю доклад. Вдруг в зал врывается этот хулиган, поднимает руку и кричит: «Люди, внимание! Вы уже знаете, что я сегодня избил вашего секретаря. Так вот при всех я прошу у неё прощения». Смотрит на меня и спрашивает: «Простишь или не простишь?» А у меня от страха подкашиваются ноги. Что сказать? Простить, не простить? Не прощу — найдёт способ и время, как мне отомстить. Прощу — потеряю авторитет среди молодёжи. Вот и верчусь за трибункой. И всё-таки пролепетала: «Прощаю». А он с бравадой крикнул: «Прощайте, люди!» и вышел из зала. Начался крик, гам. Тут уж не до доклада. Я пролепетала: «Вот видите, секретарь струсил». Некоторые стали утешать, мол, чего уж тут.

Многие боятся этого бандита. Приехал, не работает, играет в карты на большие деньги, держит посёлок в страхе.

Командировка позорно скомкана. Не успела я вернуться в райцентр, как меня срочно вызывает первый секретарь райкома партии Смоленцев Н.Г. «Это что за фокусы, Попова? Почему мне не доложили, что вас избили? Почему простили бандита? Избивают первого секретаря райкома — это уже ни в какие ворота. А вы показали себя беззубой, беспринципной. Немедленно идите в медпункт, возьмите там справку о побоях и подавайте заявление в милицию. Такие вещи прощать нельзя!» Я наотрез отказалась писать заявление. Объяснила тем, что я принародно простила его и обратно слово брать не могу. Теперь на меня орал уже первый секретарь РК КПСС. Напоследок сказал: «Если вы, Попова, не подадите заявление, это сделаем мы, но тогда будем на бюро ставить вопрос о вашем пребывании в партии». А назавтра и след простыл нашего хулигана. Вопрос о моём членстве в партии как бы сам собой отпал.

Но на этом история моя с Гуцало не закончилась, хотя я уже и не вспоминаю об этом казусе. Года через два, а может и больше на райком, на мою фамилию приходит извещение на посылку. Получаю, открываю, а там солёное сало, килограммов шесть, сухофрукты и письмо. Теперь я сожалею, что его не сохранила.

Смысл его таков: пишет вам тот самый хулиган, который избил вас в магазине. Я вам буду благодарен всю жизнь, что не посадили меня в тюрьму. Я там уже был два года за дурость. Теперь я поумнел, женился, у нас растёт сын. С помощью родственников построил хату, имею своё хозяйство. Вот посылаю вам сало солёное. Кушайте на здоровье. Слова в письме то на русском, то на украинском языке. Куча ошибок. Что делать с посылкой? Афишировать я не стала, а то бы опять была объектом насмешек. Сало отнесла в детдом. Гуцало написала, что рада за его семью, что сало отдала детям.

Учёба в ЦК ВЛКСМ

1957 год. Я уже пятый год руковожу комсомолом района. Жизнь требовала новых форм и методов работы с молодёжью. В феврале меня направляют на шестимесячные курсы первых секретарей райкомов в центральную комсомольскую школу при ЦК ВЛКСМ. Вместе с нами учились секретари комсомола из Албании, Болгарии, Венгрии, Вьетнама, Китая, Кореи, Монголии, Польши, Румынии. Я была куратором у албанцев (3 человека). Учила их разговорному русскому языку, вместе ходили в театры, в музеи, в турпоходы и т.п.

Учёба идёт своим чередом, много интересного узнала на семинарах по обмену опытом работы с молодёжью. Прошёл очередной

Пленум ЦК ВЛКСМ, на семинар приезжает секретарь Центрального комитета комсомола т. Месяцев. Мы все в ожидании: уж он-то нас научит, объяснит нам все секреты, формы, методы работы с молодёжью. А он с понтом вышел за трибуну, раскрыл свои записки и около часа, не отрываясь, читал содержание Пленума ЦК о роли молодёжи в развитии сельского хозяйства. Такая скука, ни одного конкретного примера. Полное разочарование. Пишу записку: «Товарищ Месяцев, мы приехали в Москву за 3000 км не выслушивать постановление ЦК, мы его уже изучили, а узнать, как нам лучше работать с молодёжью, познакомиться с опытом комсомольской работы в других странах». Записка дошла до докладчика. Месяцев прочёл записку, побагровел, почти закричал: «Кто написал эту записку?» Из зала кричат: «Прочтите записку». Он помедлил и зачитал. Я встала и говорю, что это я написала. Зал зашумел: как ты смела такое написать, он же секретарь ЦК. Другие кричат: «Молодец, Попова!»

Назавтра меня вызывает секретарь парторганизации школы, с гневом выговаривает мне, как я могла такое написать, ты подумала бы прежде, что тебе будет за это. Срочно собирают партсобрание с повесткой: персональное дело коммуниста Поповой. На собрании голоса разделились. Большинство меня отстояло, даже оставили для работы на Шестом Всемирном фестивале молодёжи

и студентов. Приговор: Поповой А.А. за бестактное поведение на лекции т. Месяцева поставить на вид. Но то ли была «оттепель», то ли т. Месяцев повёл себя как мужчина, меня «не таскали» на большой ковёр в ЦК ВЛКСМ.

Шестой Всемирный фестиваль молодёжи и студентов

На фестивале я работала с норвежской делегацией. Жили мы в гостинице «Алтай», там же питались. На улице под шатрами были расставлены столики с таким разнообразием блюд, которые нам и не снились, разве что при коммунизме такое может повториться. Мы подходили, выбирали, что нам нравится, и садились за столик. А что я могла выбрать, когда не имела представления, что это за блюдо, и вкусно ли оно. Я иногда хитрила и брала то, что выбирал иностранец, чаще следовала выбору девушки, одетой чересчур вызывающе. Ну и что, блюдо оказывалось, на мой вкус, совершенно не съедобным. Тогда хватала сосиску в булке и родимый чай. Даже к сокам не была приучена, «сельпо — оно и есть сельпо!» Много позднее, побывав в городах, на курортах, учёбе в Ленинграде, Москве, я многое узнала о вкусах зарубежных друзей.

Из гостиницы на все мероприятия возили нас на автобусах. На улицах Москвы было такое многолюдье, что с трудом проезжали. Окна автобусов открыты,

встречные пожимали протянутые из окон руки. Некоторые на ходу успевали обменяться чем-нибудь. К середине фестиваля все иностранцы были увешаны разными значками, пионерскими галстуками, нашими косынками. Некоторые носили наши кепки, фуражки, пилотки, бескозырки. Балаган и только. Вначале я была просто шокирована поведением иностранных девушек: их волосы ключьями висели по плечам (а я-то всё ещё хожу с косой). Если б увидела это моя бабушка, то сказала бы: «ходят, как лешачихи». Юбки у девушек выше колен, по-моему, это просто бесстыдство. Груды у девушек обнажены до неприличия, при всём честном народе ходят с ребятами в обнимку и даже целуются принародно. Меня просто коробило их поведение и я в душе гордилась своими комсомольцами: они бы так не повели себя.

За 15 дней фестиваля я как-то попривыкла к их образу жизни, но сама не сделала никакой попытки в чём-то подражать им. Зато к 2017 году наша молодёжь перещеголяла всяких там американских, английских, африканских девушек и юношей в своём поведении, а умом, душой как бы деградировала.

Шестой Всемирный фестиваль в Москве приоткрыл нашему народу железный занавес. Мы воочию увидели, что там, за занавесом, люди живут иначе и вовсе не хуже нас. Общительные, не затюканные, улыбчивые,

никакой агрессии в общении, ни норова, ни высокомерия. Люди без комплексов. За работу на фестивале ЦК ВЛКСМ наградили меня медалью фестиваля.

Лучшие комсомолцы нашего района были делегированы на фестиваль, как гости: это и доярки, телятницы, лесорубы, учителя и др. Путёвка стоила 1600 рублей. Поездку оплачивало предприятие, на котором работала молодёжь. Позднее на молодёжных мероприятиях мы все делились своими впечатлениями о фестивале. А я лично как бы 15 дней жила при коммунизме. Прошло уже 60 лет, уже давно нет нашего Советского Союза, уже не существует Берлинской стены, железного занавеса, уже мы только Россия плюс Крым, уже давно нет комсомола, уже за всё платим деньгами: российскими, немецкими, английскими, американскими, а дальше как быть, к чему стремиться молодёжи, какое у них будущее?

Во время учёбы в Москве я познакомилась с таким же неугомонным, преданным комсомолу секретарём Краснохолмского РК ВЛКСМ Оренбургской области. У нас было много общего в увлечении литературой, театром, музеями, турпоходами и т.п. О замужестве и речи не шло — дружба превыше всего. Три года переписывались, делились комсомольским опытом. Он не вылезает из командировок по целине, он инструктор ОК ВЛКСМ.

Я уже учусь в Ленинграде. Иван Арнаут в мае 1960 года прилетает в Ленинград и зовёт меня замуж. Я пообещала, что приеду посмотреть целину, тогда, может, и решусь.

Наступили каникулы, я приезжаю в свою Борисиху и говорю родителям, что меня зовёт оренбургский парень замуж. Родители говорят — тебе решать, но и подумай, тебе уже 28 лет, пора угомониться. Я тогда выставляю последний довод, что ещё не время: у меня даже денег нет до Оренбурга. Мама в ответ: «А мы корову продадим», так я и поехала на целину выходить замуж. 18 августа 1960 года в селе Городище зарегистрировали наш брак и сыграли свадьбу со всеми их обычаями. 1 сентября 1960 года я уже в Таврическом дворце продолжаю учёбу на 2-м курсе Ленинградской Высшей партшколы. Так и жили 3 года: муж в Оренбурге, я в Ленинграде, встречались на каникулах, то в его селе Городище, то у меня в Борисихе. Прожили вместе 50 лет, бывали семейные бури, но это и не удивительно: два сильных, непокорных характера, но общность интересов, увлечений, да и ответственность за семью всегда брали верх. Но родину малую я никогда не забывала. Все отпуска проводила только в своей Борисихе. «Заразила» Севером и мужа, и детей своих, никакие моря и юга им не нужны, только бы не сорвалась поездка

на Север. Во время отпуска выступала на семинарах, в клубах района, печаталась в районной газете «Заря».

Да, мы были романтиками, у нас были идеалы, мы верили в лучшее будущее, работали, не щадя себя, во имя своих идеалов. И не жаловались на нашу экстремальную жизнь с неустроенным бытом: жили мы вдвоём в комнате в 14 квадратных метров, с печным отоплением, с кухней на 5 семей, с водой в колодце, с туалетом на улице, с баней, где придётся. Район огромный, в ледоход и в ледостав, разделённый непроходимой рекой Северная Двина. Транспорта у РК ВЛКСМ не было, да и дороги наши были почти непроходимы. Выручали свои ноги. Но просвет уже был виден. Комсомольская организация района пополнялась новыми рядами молодёжи. В районе строили, в том числе и силами комсомольцев и молодёжи, новые клубы, медпункты, общежития, школы. Радиофицировали каждый колхоз, лесопункт, в отдалённых сельсоветах построили грунтовые аэродромы. Появились стационарные точки проката кинофильмов в каждом крупном сельсовете и лесоучастке. Художественная самодеятельность была на таком уровне, что после отбора на смотрах наши артисты получали лучшие призы в районных и областном смотрах.

Это был мой последний пленум. 19 января 1959 года я ушла на работу в райком партии пропагандистом. Первым секретарём райкома комсомола был избран т. Аниканов.

Работала 35 лет на кафедре философии Оренбургского пединститута, с перерывом в три года, так как очно училась в аспирантуре МГУ на философском факультете по специальности «Этика». Моя кандидатская диссертация называлась «Критика этических воззрений русских неокантианцев» (Н. Бердяев, С. Булгаков, П. Струве и другие.) С 1998 года на пенсии.

Сейчас 2018 год. Что случилось с моим В-Тоемским районом, в котором было три леспромхоза? Они давали стране более миллиона кубометров леса в год. С колхозами, их было более 30-ти в районе, с комсомольцами, их было более 1300 человек. Ничего этого в районе уже нет. Теперь наш район не перспективен. Стареет район, умирает. Молодёжь уезжает, деревни исчезают, дорог нет, аэродромы ликвидированы, паромы не ходят. Река Северная Двина уже не судоходная. А ведь было, всё было, и мы были!

Но я верю, что наступит новый, более прогрессивный виток развития районов Севера. Наши потомки уже лучше, рачительнее нас будут осваивать северные богатства и строить свою жизнь разумнее и счастливее нас.